

Правда, 1967, 16 сент.

3

На соискание Государственной премии СССР

АКТЕРСКАЯ ЛЕНИНИАНА

Более сорока лет назад, совсем еще юным выпускником театральной школы, Владимир Честноков создал в спектакле «Мятеж» образ комиссара Дмитрия Фурманова. Это был, можно сказать, двойной дебют. Вместе с молодым актером впервые вышел тогда на подмостки и его герой, мудрый, беззаветный и полный душевного обаяния человек революции, солдат партии.

Все было в ту пору новым, непривычным и неожиданным в характере, созданном Честноковым. Фурманов предстал человеком безграничной душевной яркости и естественности.

Ему никогда не приходилось, как говорится, приравниваться к окружающим — он был вместе с ними и неотрывен от них. Именно это органическое сознание правоты своей партии и отсюда личной правоты, сплав убежденности и пылкости, доверия к людям и глубокого понимания людей придавали честниковскому комиссару такую волнующую цельность.

С тех пор прошли долгие и нелегкие годы актерского поиска, многие десятки самых разных, несхожих ролей. Характеры, воплощенные Честноковым на сцене, очень различны. Наряду с классическими ролями Честнокову выпало на долю воплотить целую галерею образов советской драматургии. Особенно примечательны были в этом отношении сыгранные им в годы Отечественной войны Сафонов («Русские люди»), генерал Огнев («Фронт»), Сибирцев («У стен Ленинграда»), Горбунов («Офицер флота»).

Если внимательно присмотреться к каждому из них, нетрудно увидеть их внутреннее кровное родство с героем актерской молодости Честнокова — Фурмановым. Все они учились в одних и тех же «университетах», где главной наукой была наука коммуни-

стической идейности и верности партийному долгу. Всем им, независимо от их личной биографии, была присуща особого рода интеллигентность, та интеллигентность, которая характеризует революционеров ленинского типа. Интеллигентность эта далеко не всегда имеет отношение к роду занятий человека и к его внешней культуре. В ней проявляются глубокое и органическое уважение к людям и вера в них, чувство собственного достоинства, глубоко чуждое всяческому алломбу, пренебрежению чужим достоинством.

Герои Честнокова жили на сцене в живых размышлениях, в поиске наиболее точных и справедливых решений и в сознании трудной и счастливой ответственности перед людьми. Актеру не раз удалось показать это, избегая слащавого благообразия и поверхностной, ложной многозначительности. Правду своих героев он искал прежде всего в их жизненной позиции, в их мировоззрении, ставшем одновременно их психологией. Именно эта позиция и подготовила Честнокова к воплощению образа Ленина — к решению творческой задачи, где подвергается испытанию весь накопленный актером идейно-художественный опыт.

Впервые Честноков сыграл роль Ленина еще до войны, в пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем». Нет ничего удивительного в том, что это оказалось только пробой сил. Честнокову трудно было в то время оторваться от уже найденного первыми создателями ленинского образа, обрести внутреннюю свободу в роли, где все должно быть предельно точно и достоверно и вместе с тем соответствовать представлениям живущим в сознании миллионов людей.

Много лет спустя Честноков снова обратился к решению этой труднейшей творческой задачи и на протяжении последних полутора десятилетий

создал образ Ленина в спектаклях «Грозовой год» А. Каплера, «Суровое счастье» В. Михайлова, «Цветы живые» Н. Погодина и «Между ливнями» А. Штейна. Актер как бы создал собственную сценическую Лениниану, тем более сложную, что он не переходил из спектакля в спектакль с раз и навсегда найденными красками.

Продолжая свою работу над образом вожда (в ближайшее время ему предстоит выступить в «Кремлевских курантах»), Честноков стремится — и это особенно важно отметить — не столько к более детальной психологической разработке образа, сколько к большому философскому его наполнению. Он не ищет слишком конкретных бытовых оправданий ленинскому молчанию на сцене, его размышлениям наедине с самим собой и его манере разговаривать с окружающими, а находит эти оправдания в непрекращающейся, страстной, интеллектуальной внутренней жизни Ленина.

«Был он прост и прям, как все, что говорилось им» — эти точные горьковские слова могли бы стать своеобразным эпиграфом к работе Честнокова над образом Владимира Ильича. В спектакле «Между ливнями» ленинская прямота, поразительная способность смотреть прямо в глаза самой суровой реальности и овладеть ею, постигать ее сложную логику передаются артистом с точностью, присущей совершенным и законченным создателям портретной живописи. Внутренняя выразительность торжествует над иллюстративностью, и в живой человеческий характер входит правда истории.

Творческий успех Честнокова отражает достигнутую нашим актерским искусством зрелость мысли и реалистического мастера.

С. ЦИМБАЛ.